

Полина Семенова

Верни меня домой

Полина Семенова

Верни меня домой

«Автор»

2026

Семенова П.

Верни меня домой / П. Семенова — «Автор», 2026

Мистическая история о живых и мёртвых близких людях, которые находят друг друга спустя несколько поколений и несколько разных эпох.

© Семенова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4.1	19
Глава 4.2	21

Полина Семенова

Верни меня домой

Глава 1

Солнце село, и вокруг стало совсем темно. С противоположного края поля плывёт туман. Я иду прямо в него, не пытаюсь обогнуть или пойти обратно. Он манит меня, зовёт к себе. Минута. Две. Три. И я уже едва вижу дорогу впереди. Неба и вовсе не видно — оно слилось с землёй в одну плотную белую пелену, которой не видно края.

Завывает ветер, накрапывает мелкий дождик, грязь хлюпает под босыми ступнями. То тут, то там мелькают тени, но растворяются, стоит подойти к ним поближе. То тут, то там слышатся какие-то полувздохи, полустоны и слабые завывания, будто где-то плачет женщина.

— Боже, что-то сердце не на месте. Сынок! Васенька! Василий! Если ты меня слышишь, знай, я буду ждать тебя живым или мёртвым. Я буду ждать, даже когда меня самой не будет! — говорит ласковый женский голос.

На секунду кажется, что я даже вижу её образ. Женщина в платке стоит у иконы и молится. Голос кажется мне знакомым, но я не помню, чей он, как не помню своего имени, что со мной случилось и как я оказался посреди замёрзшего поля в одной рубаше и подштанниках. Туман манит меня всё глубже, и я иду, постепенно забывая и голос, и что он говорил.

Вдруг сзади налетает ветер, кружит опавшие листья и дорожную пыль. Я перехожу на бег, чтобы ветер не сбил меня с ног, почти не гляжу под ноги и чуть не падаю с обрыва кубарем, каким-то чудом уцепившись за сухое дерево. Из-под моих ног вылетает несколько мелких и больших камешков и прыгает вниз со склона.

Смотрю им вслед и замечаю под обрывом деревню. Спускаюсь к ней, надеясь встретить людей и найти ночлег. Подхожу к первому дому, стучусь в окно, в калитку — никто не отвечает. Стучусь в следующий дом — в ответ опять тишина. Не лают собаки, не кричат вездесущие вороны, даже ветер стих. В этой тишине кажется, что за мной кто-то идёт. Останавливаюсь, оглядываюсь — никого. Только чёрные покосившиеся домики сиротливо смотрят на дорогу пустыми окнами. Я стараюсь не задерживать на них взгляд — мне начинает казаться, что оттуда на меня тоже кто-то смотрит, недобро так смотрит. Ждёт, что я буду делать дальше. Или это сами дома ну не могут же дома смотреть на человека?!

Останавливаюсь перед маленьким домиком на окраине деревни. Осторожно толкаю калитку, и та поддаётся. Поднимаюсь на крыльцо и захожу в дом. Пусто и тихо, как и по всей деревне. Даже мышки не шебуршатся, только под ногами скрипят половицы.

В углу рядом с печкой валяются какие-то тряпки и старая телогрейка, из которой уже лезет пух. Рядом валяется тряпичная кукла без одного глаза, вымазанная в саже. Я поднимаю её, зачем-то подношу к лицу. Перед глазами вспыхивает и тут же меркнет образ маленького светловолосого ребёнка лет двух. Я осторожно кладу куклу на место, поднимаю телогрейку, под ней лежит целая охапка сырых веток. С трудом растапливаю печь и сажусь напротив, чтобы согреть озябшие руки.

Вдруг за окном слышится какой-то шорох и шёпот на незнакомом языке. Я осторожно подхожу к окну и всматриваюсь в темноту. В тени дома стоят три мужика и о чём-то спорят, то затихая, то громко выкрикивая слова. Один упитанный и низкий, похож на взрослого кабана. Второй слишком худой и высокий, как сухая ветка. Третий крепкий, жилистый. Стоит, оперевшись на берёзу, и курит самокрутку, лениво смотря то на одного, то на другого товарища.

— Прямо в руки сам пришёл! У нас сегодня пир! — потёр пухлые руки упитанный мужик, чем-то похожий на взрослого кабана.

— Ага, даже как-то скучно! — пожал плечами другой. Он, в отличие от первого, очень высокий и худой.

— Сопротивляются — скучно, не сопротивляются — тоже скучно! — фыркнул «кабан».
— Работы дохрена, а ты всё скучаешь!

— Ну так скука — моё кредо, вот я и скучаю, даже когда скучать некогда!

— Тише вы! Он прислушивается! — гаркнул третий. Его товарищи тут же замолчали и виновато опустили головы.

Главный бросил самокрутку на землю и не спеша побрёл в сторону окна, за которым стою я.

Я понимаю, что они говорят про меня, и по спине пробегают холодные мурашки. Вижу, как он приближается, понимаю, что надо бы отойти от окна и задёрнуть занавеску, закрыть дверь в дом, но я будто оцепенел — не могу сдвинуться, не могу пошевелить рукой. И даже прикрыть глаза не могу! Тем временем человек уже вплотную подошёл к окну. Мы стоим напротив — он снаружи, а я внутри, рассматриваем друг друга.

В его облике есть что-то странное, нечеловеческое: заострённый подбородок, красные глаза-щёлочки и улыбка почти до самых ушей. Я попытался отшатнуться — тщетно. Он улыбнулся ещё шире. Мне кажется, я даже увидел клыки? У человека — клыки?! Неожиданно для самого себя я начал читать про себя молитву — как помню, своими словами. Его глаза-щёлочки стали ещё уже, улыбка испарилась.

Рогатый отступил назад на несколько шагов и свистнул своим товарищам. Они двинулись к окну, но не успели сделать и нескольких шагов, как улица озарилась ярким светом.

Я посмотрел в ту сторону и увидел, как по улице в сторону дома идёт высокий худой старик с лампадкой в руке. Она могла бы поместиться в ладонь, но при этом заливает ярким светом всё вокруг. Даже мне пришлось на секунду прикрыть глаза. Тем троим свет явно не нравится. Двое съёжились и с ужасом смотрят на лампадку. Третий с вызовом рассматривает старика.

— Ну привет, дружище, скучал без нас? — ухмыльнулся высокий и вышел из тени, когда старик подошёл вплотную к ним.

— По вам соскучишься: каждый день в логово кого-то тащите, не надоело?

— Не дождёшься! — хмыкнул высокий. — Кстати, сегодня ты опять опоздал!

— Врёшь. Сегодня вы никого не утащите. Уходите отсюда, пока целы!

— Ты мне угрожаешь, старичок?!

— Что ты, я просто предупреждаю, угрожать — больше по вашей части!

— Ну да! — оскалился главный и начал медленно наступать на старика. — Я тоже предупреждаю — так просто добычу не отдам!

— Хозяин-барин, — равнодушно пожал плечами старик, не двигаясь с места.

Главный зарычал и превратился в огромного чёрного пса с красными глазами. Встал в боевую стойку и с лаем бросился на старика.

«Загрызёт!» — с ужасом подумал я, но по-прежнему не мог ни отойти от окна, ни закрыть глаза.

Старик вынул из-под рубахи крест и вытянул руку вперёд. Лампадка засветилась ещё ярче, пёс взвизгнул, упал на землю и начал кататься по ней, высунув язык. Двое других попытались было выскочить из тени, но свет от лампы и креста не дал им этого сделать.

— Ну как, нравится? — грозно спросил старик. — Кто ещё осмелится напасть?!

Пёс заскулил, двое усиленно помотали головами. Мол, не тронем, и ты нас не трогай.

— То-то же! — усмехнулся старик и убрал крест за рубаху.

Пёс перестал кататься по земле, обратился обратно в человека и с трудом встал на ноги, оперевшись на руки товарищей.

— Только попадись в мои лапы! — прорычал человек с рогами.

— Мне опять крест достать?

— Да пошёл ты к чёрту!

— Сам иди, откуда пришёл! — помахал ему рукой старик.

Трое ушли обратно в туман. Старик пристально посмотрел на меня и ударил клюкой по земле три раза.

Поток яркого света ослепил меня, в ушах стал нарастать гул. Я не хочу видеть этот свет, не хочу слышать гул, поэтому зажимаю глаза и накрываю уши руками. Не помогает. Гул становится сильнее, сменяется неясным бормотанием множества голосов, я начинаю различать отдельные слова, фразы и мысли. Из полоски света вылетают маленькие и большие искры, появляются тени, и перед глазами начинают мелькать картинки. На всех я наблюдаю за собой и происходящим со стороны.

Вот женщина в белом платке стоит у ворот, обнимает меня за пояс и плачет навзрыд. Рядом стоит девушка. Одной рукой вытирает набегающие слёзы, другой держит пацана лет трёх. Сигналист большая машина, где уже сидят несколько других мужчин. Женщина начинает реветь в голос. Девушка поспешно ставит малыша на землю, подходит к нам. Целует меня в щёку, аккуратно берёт женщину под локоть и уводит в сторону. Это моя семья. Мама, Аксинья Кирилловна, жена Маша и сын Гришка.

Я лежу в окопе, держу наготове оружие. Кто-то кричит: «Вперёд, в атаку!», и я бегу в штыковую вместе с моими товарищами. Свистят пули, то тут, то там в воздух взмывают чёрные столбы. Земля стонет, ревет и, кажется, готова подняться в бой вместе с нами. Взрыв, и всё моё тело будто обжигает кипятком. Земля под ногами качается, приближается, я плашмя падаю на горячую сухую землю.

Я прихожу в себя. Вокруг тишина: больше не свистят артиллерийские снаряды, не слышно разговоров товарищей. С трудом приподнимаю голову и осматриваюсь — вокруг только мёртвые, обезображенные смертью тела. Где же наши? Вдруг из леса слышится сначала смех, потом чужой говор. Люди в чужой вражеской форме идут по бывшему полю сражения. Переворачивают на спину упавших лицом в землю, проверяют дыхание, оставляют лежать на холодной земле. Я, пока меня не заметили, с трудом достаю пистолет из кармана. Я советский солдат и не хочу сдаваться в плен. Подношу дуло к виску и прикрываю глаза. «Хэнде хох!» — вдруг слышится позади, и у меня вырывают пистолет из рук.

Вот моя дорога в ад на земле. После трёх дней голодного, холодного и изматывающего пути колонна военнопленных подошла к лагерю. Сначала засветились прожектора фрицевских вышек, потом из темноты выступил высокий забор с колючей проволокой. «Шнелле, шнелле», — прикрикивают конвоиры, чтобы пленники шли быстрее. Тех, кто упал и не может больше идти, добивают пулями и штыками. Оборванные, грязные, больные и голодные солдаты идут, опустив головы. Такие тяжелораненые, как я, едут в телеге. Погода плачет по моей судьбе. Я смотрю в небо — там ни звёздочки, свинцовые тучи заволокли всё. Крупные капли дождя барабанят по лицу, стекают вниз, как слёзы. Потом текут под рубаху. Холодно, но я не могу убрать капли с лица и шеи, потому что руки меня не слушаются.

Моё последнее пристанище — лазарет в пересыльном лагере. Фрицы могли бы добить нас ещё там, на поле боя, но не стали. Они знают, что советский солдат лучше пустит пулю себе в лоб, чем сдастся в плен. Слышал, здесь условия не лучше, чем в бараках. Кормят той же баландой, лекарств нормальных нет. Сколько продержусь ещё — не знаю. Тело ломит. Всюду витает стойкий запах смерти: крови, пота и плесени на отсыревших стенах. Отовсюду веет холодом, то ли из-за моей температуры, то ли из-за больших щелей в крыше. Надо мной склоняется доктор, щупает пульс, смотрит в глаза невыспавшимися красными глазами и глухо спрашивает по-русски:

— Как тебя зовут, боец?

— В-Василий. С-с-семёнов, — отвечаю, собирая остатки сил.

— Хорошо, — отвечает врач и чиркает что-то в записной книжке.

Сознание уплывает и больше не возвращается. Уже со стороны вижу, как меня и ещё сотню погибших узников фрицы скидывают во рвы позади барakov. Присыпают нас землёй, не делая никаких пометок о захоронении, и уходят.

Итак, меня зовут Василий Агафонович Семёнов. Родился весной 1915 года в простой крестьянской семье. Работал, женился, пока в августе 1941-го не ушёл на фронт. Я отец двоих детей — Гришеньки и Глашеньки. Я муж Марии Захаровны Агафоновой и второй сын Аксиньи Кирилловны Агафоновой.

Мама. Вот чей голос я слышал, когда брёл в тумане! Вот чей образ всплыл в памяти, даже когда я был в беспамятстве! Кто же ещё мог так обо мне беспокоиться. Мама. Она тайно положила образок в карман.

Я, Семенов Василий Агафонович, умер в сентябре 1942 года во вражеском плену. Русский доктор пытался спасти меня, но начавшийся сепсис убил меня. Я умер и больше не увижу ни маму, ни жену, ни единственного сына. Неужели это вот так просто и быстро? А попрощаться? Из глаз начинают течь слёзы.

Гул в ушах стихает, свет перестаёт резать глаза. Я не спешу их открывать, потому что боюсь того, что увижу перед собой. От всей души надеюсь, что война, фашистский плен и собственная смерть были очень странным и страшным сном. Надеюсь, что вот-вот я проснусь в своём доме, рядом со своей семьёй.

Открыв глаза, понимаю, что странный сон продолжается: дом, улица и деревня исчезли. Рядом стоит старик и пристально на меня смотрит, будто чего-то ждёт. Его лампадка по-прежнему освещает нас и будто сдерживает клубящийся туман по сторонам. Я не понимаю, как это возможно. Я не верю в происходящее, поэтому зажмуриваюсь и щипаю себя за руку.

— Ну полно, полно, Вась! Будя! — хлопает по плечу чья-то рука. — Это не сон.

Я открываю глаза. Старик подошёл ко мне и сочувственно смотрит. Больно мне нужны чьи-то сочувствия?

— Кто вы? — говорю ему.

— Я провожу тебя в Межвременье, в место для погибших воинов, которых не похоронили как положено.

— Как же так? — обессиленно шепчу. — Как же так?!

— Ты был на войне. Ты погиб. Так бывает. Я понимаю, это сложно принять...

— Сложно?! А как же мама? Машенька? И мой Гришка?! — почти кричу я. — Они же совсем одни...

— В мир живых вернуться не получится, сам понимаешь. Нужно смириться. Не переживай, с твоей семьёй всё будет хорошо. Скоро тебе позволят с ними проститься.

Вдруг вдалеке послышался то ли визг, то ли гул, как из печной трубы во время сильного ветра, но ветра совсем нет.

— Что это? — спрашиваю Проводника.

— Беспамятные — жертвы лукавых. Они забыли свои имена, забыли тех, кто был им дорог, потому что туман забрал их память. Они тоже стали его частью. Воют, потому что понимают, что навсегда потеряли важное, но не могут понять, что именно. Поэтому место это называется Безвременьем.

— А как вы... а как я вспомнил? Я же тоже ходил в тумане, даже имя своё забыл...

— Лукавые навели на тебя морок, чтобы заманить тебя в туман. И создали иллюзию того, чего бы тебе хотелось больше всего — твой дом. Я смог тебя найти и рассеять морок, потому что кто-то из Живых очень сильно ждёт тебя домой живым или мёртвым. Молится.

«Мама! — думаю я про себя. — Это моя мама!»

— Вуууууу! — вдруг послышалось совсем близко. — Вууууууууу! — кажется, там даже промелькнул человеческий силуэт.

Я вздрогнул от неожиданности. Старик с беспокойством покосился в туман, тяжело вздохнул и сказал:

— Идём, тебе нельзя здесь долго оставаться. Беспмятные безобидны, но могут привлечь внимание Нечистых. В первый раз они не ожидали, что я появлюсь. В следующий раз они могут притащить сюда друзей на подмогу, и я с ними уже не справлюсь.

Глава 2

Снова бесконечное и широкое, ровное поле. Ни деревца, ни овражка, ни пригорка, с которого я спустился к деревне, ни самой деревни. Из-за наступившей ночи туман кажется ещё гуще, чем был. Впереди идёт Проводник, подняв лампадку над головой. Туман такой густой, что если бы не она, то я бы, наверное, снова заплутал — отбился бы от проводника.

Мы идём сквозь туман. Вой стих, и вокруг установилась тишина. Проводник ничего не рассказывает. Я ничего не спрашиваю, хотя мне может быть и хочется. Увижу ли я своих погибших однополчан? Умершую полтора года назад дочку Глашеньку? И, самое главное, как мне проститься с теми, кто остался в живых? Я бы многое ещё хотел спросить, но кажется, что если нарушить эту тишину, нас могут услышать. И сомнительно, что ты уйдёшь от этой нежелательной встречи. И сомнительно, что ты останешься невредим после этой встречи. Этого никто мне не объяснял. Я просто...так чувствую.

Наконец впереди светлеет. Сначала я думаю, что это утренняя зорька, но когда мы подошли ближе, туман немного рассеялся, и впереди показалась широкая река, которой не видно края. По ней плывут сотни, нет, тысячи больших и маленьких свечей. Они сталкиваются, отталкиваются, крутятся вокруг себя и создают ровный, мягкий свет, рассеивающий туман. На берегу стоит деревянный мостик. К одному из его колышков толстой верёвкой привязана деревянная лодка.

Мы спускаемся к воде по тропинке и несколько секунд оба смотрим на воду. Во мне странный трепет. Руки немного дрожат, бегут мурашки. Здесь я оставлю прошлую жизнь навсегда.

— Это река Надежды, — негромко объясняет Проводник. — Живые чают, что их пропавшие на войне мужья, сыны и братья вернутся домой живыми или мёртвыми, ставят за них свечи, обращаются к Небесам. За все века в ней накопилось столько силы, подкрепляемой верой, что река стала барьером, отделяющим Безвремье от Межвременья. По ту сторону ты будешь в безопасности. Ещё эта река место прощания с Живыми. Как отплывёшь далеко от берега, возьми самую близкую подплывшую свечу и внимательно посмотри прямо в неё, в огонь. Сможешь увидеть своих Живых и даже побывать дома. Проститься. В Межвремье такая возможность выпадает редко. Только не пытайся ни с кем разговаривать. Живые обычно нас не видят, не слышат и не чувствуют. Но чтоб не напугать, мало ли... В общем, не разговаривай и не трогай их, в любом случае. И не пытайся задержаться там надолго.

— Спасибо! — улыбаюсь я. — А вы тоже со мной?

— Нет, Василий, мне с тобой нельзя! — усмехается Проводник. — Здесь моё место. Я должен следить здесь за порядком и вызволять из тумана таких же как ты, заплутавших!

— И вам здесь совсем не страшно оставаться?

— Я привык! — усмехается он. — Ты не видел ВСЕЙ моей силы. Но покамест ты ещё здесь, я не могу её использовать. Потому что ты тоже не живой, и я могу случайно тебя ослепить. Так что тебе нужно спешить, пока лукавые тебя не учуяли!

— Вууу! — вдруг слышится совсем рядом знакомый вой.

Мы с Проводником вздрагиваем и оглядываемся. В тумане позади нас, прямо на том месте, откуда мы сейчас спустились, мелькают чёрные тени. Снова наступает темнота.

— Поспеш, Василий! — хлопает меня по плечу Проводник. — Я их задержу!

— Но как я узнаю, куда плыть? Вы мне ничего не сказали!

— Течение знает, куда нести лодку, не беспокойся! Если лодка станет замедляться, просто подгребите вёслами. На том берегу тебя встретят часовые.

— И ещё! Оглядываться нельзя и плыть обратно нельзя — на реке Надежды и в Меж-
временье ты в безопасности, но они могут выманить тебя к себе, в своё логово хитростью и
ложью. Из их логова нет никакого спасения. Совсем.

— Ну, бывай Василий! — крикнул на прощание Проводник, отвязал лодку и со всей
силы оттолкнул её от берега. Она, слегка покачнувшись, поплыла среди свечей и волн.

Я ещё долго смотрю на берег и видел, как проводника окружили чёрные тени. Я уж думал
всё, конец, но потом послышался звук взрыва, и в ночную мглу вырвался огромный столб
света. Чёрные тени в этом свете плавали, как оглушённая рыба на поверхности пруда. Потом
на берегу стало всё, как было. Я увидел маленького человечка, который машет мне рукой. Я
помахал в ответ, и потом ещё долго-долго наблюдал за берегом, пока лампадка и старик не
отдалились настолько, что стали казаться маленькой мерцающей точкой.

Лодка успокоилась, я свесился за борт и взял одну свечу, которая плавала ближе всех к
лодке. Оказавшись в моих руках свеча засияла так ярко, что мне невольно пришлось прикрыть
глаза. Сначала ничего не было, кроме маленького пламени. Потом пламя приняло очертания,
и я очутился у себя дома.

Прямо на пороге сидит моя Маруся в тёплом платке и телогрейке. В её руках — извеще-
ние на меня. Она так сжимает в пальцах серый треугольник, что костяшки её пальцев побеле-
ли. Её губы не шевелятся, но я чётко слышу голос.

"Бедная-бедная мама Аксюта! Бедный Вася! Она же что-то чувствовала. Последнюю
неделю лежала в беспамятстве, ничего не пила, не ела и таяла на глазах. Ходила под себя и
всё смотрела в потолок неузнавающими блёклыми глазами. А позавчера вдруг будто пришла в
ясный ум, узнала и меня, и Гришку. Просила, чтобы я сейчас же поставила свечу. Всё вспоми-
нала Василия и говорила, что ему сейчас очень-очень худо. Плакала, будто уже знала и пони-
мала, что он не вернётся. Я всё-таки поставила свечу, и только тогда она успокоилась. И в тот
же вечер преставилась. А сегодня пришла извещение на Василия. Вот жизнь-то!" — думает
Маша.

Я бы ей сказал, чтоб...чтоб не глядела так беспомощно, да помню наказ проводника. Я
присел рядом с ней на пол, с тоской думая о том, что на какой-то день не успел увидеть мать.
Как она плакала, как причитала в тот день, когда я уходил на войну. Я давно снял с себя свой
крестик, просил мать не ходить в церковь, не разговаривать про веру. Даже иконы все сложил
в шкаф, завернул в тряпки. Сначала хотел выкинуть, да мама упала на колени. Умоляла не
выбрасывать. Мол, может ещё пригодятся.

Когда я уходил на войну, мать тайком положила образок в мои вещи. Я обнаружил его
только в дороге. Помню, сердился, ворчал на мать, несколько раз пытался его выбросить или
закопать. Но...почему-то не смог. Улыбаюсь, потому что понимаю — я не заплутал в тумане
благодаря настойчивости матери и образку, который был со мной до конца.

Маруся так и сидит на полу. С палатей свешивается голова нашего сына Гришки, потом
он полностью оттуда слезает и садится рядом с Машей.

— Мама? Мама что с тобой? — Гришка осторожно тронул её за плечо. Она на него даже
не смотрит. Только надрывно дышит и смотрит в одну точку.

Гриша, будто что-то почувствовал, обнял мать, прижавшись щекой к её щеке. Он уди-
вился, почему это у мамы мокрая щека, немного отстранился и посмотрел на мать — из её
глаз катились крупные солёные слёзы.

— Мама, ты плачешь? Почему ты плачешь, мама?

Наконец видит треугольник в её дрожащей руке. Его личико мигом грустнеет

— Это папа письмо прислал? Его ранили, да?

Маруся наконец посмотрела на сына, погладила его по голове и ответила, едва успевая
глотать слёзы.

— Твой папа...твой папа больше не придёт домой. Он погиб, сынок. Пришло извещение...похоронка на твоего отца

— Папу убили, да? — спросил Гриша шёпотом

— Да, сынок, — прошелестела Марья и уткнулась носом в макушку сына

Гриша всхлипнул. Он не понимал: как его сильного и умного папу смогли убить? Как это он больше не придёт? Ещё этой весной они вместе с папой и мамой ели все вместе, жили все вместе. Папа сидел на стуле во главе стола, Гриша сидел напротив. Папин стул по-прежнему стоит, и его старая фуфайка висит в углу, и стол стоит — Гриша с мамой завтракают и вечерают за ним каждый день. Гриша ждал, что скоро папа вернётся, и они пойдут рыбалить, как и обещал папа в день отъезда на фронт. Гриша уже знал, что такое смерть — недавно похоронили бабушку, а за несколько дней до его рождения умер дед. До войны Гриша и родители часто ходили на его могилку, младшую сестрёнку. С ними всё было понятно — дед был уже стареньким, а сестрёнка болела. Но как же папа? Он же всегда был сильным и здоровым.

Я сам чуть не заплакал, глядя на своего сына и слыша его мысли, как будто он всё это время говорил вслух. Я боюсь что-то сказать, хочется погладить сына по голове, прижать его к себе, но это...это больше никогда не будет возможным. И Марусю, тихо плачущую на полу, тоже не могу ничем успокоить.

— Мама, а куда мы похороним папу? — спрашивает Гришка. — Рядом с бабушкой, да?

— Нет, Гриш, мы не будем его хоронить

— Как это? — удивился наш сын.

— Так получилось. Война. Папу похоронят его однополчане. А как война закончится, мы поедem к нему, поклонимся, и привезём кусочек своей земли. Его родной земли

— И он будет с нами?

— Конечно, Гриша! — пытается остановить слёзы Маша. — Он всегда будет с нами!

Она не смогла сказать сыну правду, что я считаюсь пропавшим без вести. Ну и правильно! Мал он ещё, чтобы понять...да и мы все малы по сравнению с законами мироздания. Маруся думает о том, что осталась совсем одна. Что на будущий год Гришку надо отдавать в школу. И надеется на то, что в извещении всё-таки ошибка.

Дверь отворяется, на пороге показывается мой тесть. Я сразу вытягиваюсь по струнке, будто он может меня увидеть. Матвей Иваныч мужчина хоть и в летах, но всё ещё крепкий и здоровый, седая стриженная борода. Видно, приехал на похороны моей матери. Матвей Иваныч видит Марусю и Гришу, которые сидят на полу. И видит извещение в Машиных руках.

— Убит? — спрашивает Марусю.

Маруся неопределённо качает головой. Не хочет говорить правду при Гришке, но и отцу врать не может. Так уж воспитана. Кирилл Матвееч хмурится, треплет голову Гришки и говорит

— Ну-ка, сходи, поиграй во дворе! Нечё сопли разводить!

Гришка кивает и выходит на улицу. Ему только в радость выйти туда.

— Ну, — спрашивает тесть у Маши. — Показывай, что там у тебя!

Маруся протягивает ему извещение дрожащей рукой. Ненадолго устанавливается тишина. Слышно, как в печи шкворчат дрова. Тесть мнёт в руках фуражку. Читает извещение, хмурит брови поджимает губы, тяжело вздыхает и говорит.

— Маш, поедem со мной. Война непонятно когда закончится, да и с Василием непонятно. Может он погиб, а может и перебёг — шут его знает!

"Ну спасибо, тестюшка! — думаю я. — Ладно хоть при Гришке не сказал!"

— Вася не предатель! — вскидывает голову Маруся и смотрит тестю в глаза. — Может они ошиблись — на нашего соседа Фёдора Липатова тоже извещение пришло, а через месяц он написал, что в лазарете лечится. Может Васю тоже ранило, и он сейчас лежит в каком-нибудь госпитале без памяти.

— А если всё-таки перебёг? А если всё-таки погиб? Как ты одна с Гришкой справишься? Пацан всё-таки!

Тут я с тестем согласен. Пускай уезжают. Что бы тесть с тёщей про меня теперь не думали, с ними Маше будет легче. Я уж точно не вернусь, а ей надо поднимать сына, в одиночку это будет тяжело.

Но Маруся качает головой, платком вытирает слёзы и отвечает

— Нет, тять. Когда-нибудь война закончится. Представляешь, Вася вернётся, а окна заколочены, дом стоит пустой и заброшенный. Это дом его родителей, мы должны остаться!

Тесть вскакивает с места, машет на Марусю рукой, что-то ещё ворчит, надевает телогрейку и выходит на улицу. Маша остаётся одна, я присаживаюсь на табурет напротив неё. Маша в чёрном платке, вся бледная и разом постаревшая лет на 10, смотрит в одну точку. И всё-таки она красивая даже сейчас!

Зря она отказалась ехать с отцом. Я бы всё понял, если бы она оставила дом и уехала вместе с сыном к родителям. Кирилл Матвеевич прав в том, что ей будет тяжело одной с Гришкой. И дело даже не в людях, не в их пересудах, но в том, что пацан растёт. Сейчас он ещё маленький, ничего не понимает, матери в рот смотрит, но что будет потом? Маруська немногословная, мягкая. Гришка, это всегда чувствовалось, за словом в карман лезть не будет. Сорванцом растёт. Без мужской руки и совета может распоясаться или попасть в дурную компанию. Начнёт ещё куролесить и грубить матери!

А может ничего плохого не будет. Может сын вырастет добрым малым, будет помогать матери. Это в нём тоже есть. Да и тесть в любом случае будет им помогать. Чего бы не думал обо мне, но это его дочь и внук. А как закончится война, вернутся с фронта её братья. Тоже в беде не оставят. Да и Маруся молодая ещё, вот закончится война, и найдёт себе кого-нибудь. В любом случае, о них с Гришкой позаботятся. Возможно, даже лучше, чем смог бы я.

Помню, мама рассказывала, что те, кого любили мы и те, кто любил нас при жизни, навсегда остаются в сердце и памяти. Мама говорила, что некоторые из них даже становятся нашими ангелами-хранителями. Может у меня тоже получится стать хранителем для своего сына, а? Может получится остаться невидимым, незримым при них? Чем-то вроде ангела-хранителя? Надо будет спросить у кого-нибудь в Межвременье.

Маша отнимает руки от лица, встаёт с табуретки и идёт в комнату. Подходит к столу, достаёт свёрток, где мы храним все документы и достаёт мою фотографию. Проводит пальцами по фотографии, шмыгает носом

— Вот так-то, Васенька! Одна фотография осталась. — срывающимся шёпотом говорит Машка, — а я даже не знаю, где ты пропал или погиб! Не пишут!

Как бы мне хотелось сейчас прижать её к себе и сказать, что всё будет хорошо, но я боюсь её напугать. Вдруг она из тех, кто чувствует...призраков. Поэтому я просто смотрю на неё и мысленно говорю: "Прости меня, прости меня, прости меня".

Ветер вдруг порывисто бьёт в ставни, тухнет стоящая на столе свеча. Маша испуганно вскидывает голову и озирается по сторонам, будто кого-то ищет.

Я чувствую, что должен идти. Пора. Однажды мы встретимся снова, и я скажу им: "Простите, что погиб так рано. Прости, Гришка, что я не выполнил своего обещания вернуться домой. Прости, Маруся, что тебе пришлось воспитывать сына в одиночку". Однажды мы встретимся снова, и я обниму их крепко-крепко. Однажды мы снова будем все вместе, но пусть это будет как можно позже. Я хочу, чтобы они жили как можно дольше. Я хочу, чтобы они были счастливы.

— Прощай, Маша! — шепчу, и в следующий момент меня будто затягивает невидимая воронка.

Глава 3

Как хорошо, тихо и спокойно и на реке Надежды, и в мыслях! Слушаю тихий плеск воды и трели соловьёв. Чудно! Поздняя осень наступила и в родной деревне, и там, где я погиб. Там первые заморозки, промёрзшая земля, скоро выпадет первый снег. Здесь же поют соловьи и вода не замёрзшая, как летом. И это конец октября. Чудно!

Моя свеча погасла, как только я снова оказался в лодке. Я подул на фитилёк, чтобы снова зажечь свечу, но она только зашипела и обожгла ладонь. Немного подумав, перегибаюсь через борт лодки и опускаю её в воду. И она, и другие свечи миготом исчезают из вида. Вместе с этой свечой исчезли все волнения о моей семье и о прошлой жизни. Проводник прав: к чему тревожиться, если я всё равно уже погиб? Ничего не изменишь — я должен отпустить своих живых, иначе будет тяжело и им, и мне.

Провожатый говорил, что я смогу попрощаться с живыми, и я попрощался. А как же другие мёртвые? Я же скоро их увижу? Или не увижу? Не только мама, но и другие. За год до войны умерла наша меньшая дочь Глашенька, да и отец уже давно там. Почему я о них не спросил Провожатого? Может потому что не знал о смерти матери, может потому что ещё не до конца понял, что погиб. По крайней мере, на земле.

Я так глубоко задумался о встрече с близкими, что не заметил, как лодка остановилась, и вокруг стало тихо-тихо. И соловьи не поют, и даже вода больше не плещется. Вдруг сзади, в месте, где я проплыл пару минут назад, слышится громкий всплеск, будто большая рыба шлёпнула по воде хвостом. Затем что-то сильно ударяет в дно лодки. Она начинает сильно качаться, и я чуть не выпадаю за борт. Что это было? Может, большая рыба? Внимательно осматриваю поверхность реки, но никого и ничего не вижу.

На меня накатывает страх — будто вот сейчас из воды вынырнет нечто тёмное и склизкое, утащит меня на самое дно. Берусь за вёсла трясущимися руками и гребу изо всех сил, чтобы как можно быстрее оказаться на берегу, но лодка не спешит поддаваться.

— Сынок! Васенька! Василий! Постой! — слышу позади себя знакомый голос. Тот самый голос, который я слышал, блуждая в тумане. Голос, который я помню с детства.

Вздрагиваю, хочу обернуться, но вспоминаю слова провожатого, что оборачиваться нельзя ни в коем случае. Здесь же не может быть мамы? Как бы она здесь оказалась? Снова берусь за вёсла и с трудом плыву дальше, потому что лодка движется еле-еле.

— Ваася, куда же ты?! — причитает тот же женский голос. — Ты оставишь меня здесь одну?!

Голос кажется мне странным. Вроде и мамин, а вроде и нет. Очень хочется обернуться, но я лишь с двойной силой налегаю на вёсла. Если бы было 4 руки, я бы ими подгрёбал. Но кажется, меня сносит течением. Лодку сносит то влево, то вправо, то слегка назад. Лодку по-прежнему качает туда-сюда.

— Васька, я не так тебя воспитывала! — уже визжит голос.

Я не должен оборачиваться. Я не должен оборачиваться. Я не должен... Что-то здесь не так, в этом голосе. Голос родной, а слова чужие. Мама бы никогда так не сказала. Это на неё не похоже. Я пытаюсь его не слушать. Я не должен оборачиваться. Я не должен... Вдруг откуда-то с берега слышится свист, как от снаряда. Потом над моей головой пролетают три огненных шара и плюхаются в воду позади меня. Голос затихает.

Открываю глаза. Солнце ещё не поднялось, но вокруг уже светлеет. Я вижу, как лодка дробит мелкие волны перед собой. Впереди проглядывает узкая песчаная полоска берега и такой же мостик, как на другом берегу реки Надежды. На нём стоят двое мужчин с факелами и пристально вглядываются в водную гладь, машут мне руками. Я встаю и тоже машу рукой. Снова гребу вёслами, но лодка не спешит плыть быстрее.

— Помогитееее! — кричу людям на берегу. — Лодка встала!

— На дне должна быть верёвка! Кинь её сюда! — кричит в ответ человек.

Я беру верёвку, замахиваюсь и кидаю на берег. Конец верёвки немного не долетает до берега и часовой спрыгивает в воду. Хватает верёвку, выползает обратно на мостик, тянет верёвку на себя. Лодка качается, но не поддаётся. Верёвку подхватывает второй часовой. Они вместе тянут верёвку, я подгребаю вёслами. Лодка трогается с места.

Когда лодка причаливает, меня почему-то всего трясёт, как от озноба. Ноги настолько ослабли и озябли, что я не могу встать и взобраться на мостик. Один из часовых спрыгивает ко мне и помогает выбраться из лодки. Второй стоит на мостике и держит факел.

Взбираемся на берег. Наконец, я могу разглядеть лица обоих часовых. Они очень похожи между собой: оба чернявые и кареглазые. Только у одного взгляд добрый, со смешинкой и лицо круглое, в его чертах ещё есть что-то детское, — это он помог мне выбраться из лодки. Второй заматеревший. У него взгляд прямой, серьёзный, даже настороженный.

— Василий Агафонов! — по очереди жму им руки.

— Михаил! Можно просто Миша,— улыбается тот, кто помог выбраться из лодки. — А это мой брат Степан!

— Добро пожаловать в Межвременье! — говорит Степан. Он чуть улыбается, но глаза его остаются серьёзными и слегка настороженными. То и дело смотрит на реку. — Беспамятные выли, может ещё кто-то приплывёт, а потом поедет. Ты пока можешь покемарить у костра. Отдохнуть с дороги!

— Спасибо! — улыбаюсь я. — Да вроде я не сильно устал.

— Это сейчас тебе так кажется, вот когда приедем в расположение! — начинает Михаил.

— Папаськаааа! Па-па-ськаааа! — вдруг кричит детский голосок со стороны реки. — Папааааська, помощиии!

Сердце моё пропускает удар, я не выдерживаю и, наконец, оборачиваюсь на реку. Часовые тоже. Прямо посреди реки плывёт маленький островок. На этом самом островке стоит маленькая девочка в белом платице, держит в руках игрушку. Рядом стоит женщина в чёрном платке в большой цветок и держит малышку за руку. Моя дочь Глашенька и моя мать. Вижу и то, как сзади на них плывёт туман. Клубится, будто тянет руки.

— Папаааська! — кричит Глашенька. — Помогии, Васяня! — вторит ей мать и отчаянно машет руками. Глашенька трёт кулачками глазки. Они отплывают на плоту всё дальше от меня. Туда, где темно, туманно и страшно.

Только сейчас понимаю, что поступил свински. Даже не обернулся, хотя они так звали меня! Это же мои родные люди! Мои мать и дочь! Они сейчас уплывут! Их заберёт туман. Какой же я был малодушный!

Я делаю шаг в воду, догнать лодку, но дорогу преграждает Михаил. Степан, тем временем, достаёт ружьё и целится прямо в плот. Я бросаюсь на Степана, хочу вырвать у него ружьё, но меня останавливает Мишка.

Степан три раза палит прямо по тому месту, где проплывают мои мать и дочь, слышится визг. Я, наконец, вырываюсь из хватки Миши, подбегаю к Степану и одним ударом вышибаю ружьё. Он, видимо, не ожидал, что я на него прыгну и не успеваю защититься. Я беру его за шиворот и начинаю трясти.

— Что ты сделал?! Что ты сделал, я тебя спрашиваю? Это мои мать и дочка, Глашенька! — кричу я. — Что ты с ними сделал?!

Степан, наконец, приходит в себя и со всей силы отталкивает меня, я плюхаюсь на песок. Снова встаю и иду на Степана.

— Да успокойся ты, полоумный! — говорит он. — Это иллюзия!

— Какая иллюзия?! Это мои мать и дочь! — говорю, наступая на него.

— Ну иди сюда! — усмехается Степан. — Иди! Ударь! И посмотри, что будет дальше.

Между нами встанёт Миша.

— Да успокойтесь вы! — кричит он. — Ты что его задоришь? — говорит Степану. — Сам же знаешь, что это иллюзия!

— И что теперь? — возмущается Степан. — Спокойно стоять и ждать, пока он меня чем-нибудь огреет по голове?!

Миша машет на него рукой и говорит мне.

— С ними ничего не будет. Это иллюзия! Смотри, что будет дальше.

Мы смотрим на воду. Дымка рассеивается, туман отступает. На плоту, вместо моих матери и дочери, сидят двое старых знакомых. Это те самые рогатые, которые чуть не схватили меня в Безвременье. Они замечают, что я смотрю на них. Один грозит кулаком и ухмыляется. Другой посмеивается и машет рукой на прощание. Степан снова палит по ним ружьём, но они только смеются и скрываются в тумане.

Мы садимся у костра. Степан по одну сторону, ближе к реке. Я по другую сторону. Мишка посередине. Видимо боится, что я снова ринусь в воду или на Степана.

— Видишь, это были не настоящие, люди, Вась! — говорит Миша и хлопает меня по плечу. — Это всё иллюзии Лукавых. Врезал бы Стёпке, они бы только обрадовались

— Прости, Стёп! — говорю я. — Я думал, их здесь не будет. Думал, что река от всего ограждает

— Им везде ход есть! — устало вздыхает Стёпа. — Просто чем дальше от Безвременья, тем слабее их силы. Поэтому они пытаются сбить с верной дороги, пытаются увести с собой туда, где у них хватит на нас сил.

— И вы их не боитесь?

— Как видишь, у нас есть оружие. Да и мы уже давно в Межвременье, поэтому нам они уже ничего не могут сделать. Новеньких таскают, поэтому мы дежурим.

— А мои мать и дочь...когда я их увижу по-настоящему?

Миша и Стёпа переглядываются между собой.

— Тут...понимаешь...как бы тебе сказать. Воот в чём загвоздка. Ну...эээ. — мнётся Миша.

— Мы ещё долго не увидим своих родных, Вась! — твёрдо говорит Степан, глядя мне в глаза.

— Почему? — удивляюсь я

— Мы в Межвременьи, между Безвременьем и Бессмертием! Тени в Безвременье, усопшие в Бессмертии, а мы не там, и не там. Мы погибли в бою, защищая Родину, и нам простили всё плохое, что было в жизни. Но при этом нас не похоронили, как положено, поэтому мы тут.

— Всё равно не понимаю! — мотаю головой я. — Я же умер, так? — Миша кивает головой. — Мать умерла позапрошлой ночью, значит она тоже должна быть здесь? И дочка...и отец!

— Мы от них отличаемся! — вздыхает Степан. — Мы ещё должны служить, они — нет. Они умерли в своих постелях — мы нет. Их похоронили как положено — нас нет. Между нами и ими туман Безвременья, который не пропустят нас на ту сторону.

— Но я же попрощался с живыми, даже видел их, почему нельзя повидаться с другими мёртвыми?

— Таковы правила! — жёстко отвечает Степан. — Не нам объяснять, что почему и зачем. Ты просто должен смириться, как и мы! — говорит он и уходит на мостик широким шагом.

Я молча смотрю на костёр. Миша всё так же сидит рядом со мной и тоже молчит, мешая угли палкой. Я даже не могу понять, что чувствую. Все надежды рухнули одна за другой. А чего я, собственно ожидал? Да ничего не ожидал, потому что не думал, что смерть придёт так быстро. Я никогда не думал, что умру в 27 лет. Не верил ни в рай, ни в ад. Ни в Бога, ни в чёрта, а тут вон как получилось! Это, наверное, даже справедливо. То, что я ещё долго не увижу родных. То, что я попал в Межвременье. Был подростком — пытался сжечь книги бабушки. Ох и

получил я тогда от отца! Став взрослым, запрещал матери ходить в церковь. Когда увидел, что она тайно положила образок мне за подкладку, очень сильно рассердился. Даже хотел отправить ей гневное письмо и отослать образок ей. Потом подумал, какие проблемы могут быть и у меня, и у неё. Оставил образок себе. Даже фрицы его не смогли найти!

Чем больше я думаю о маме, тем ниже опускается моя голова. В носу щипает то ли от близости костра, то ли от чего-то другого. Теперь вот даже с мамой проститься не могу. Сказать последние спасибо и прощай.

Меня легонько трогают за плечо. Поднимаю голову. Это Мишка на меня пристально смотрит. Может быть, он даже о чём-то спрашивал, но я не слышал.

— О чём задумался Вась? — спрашивает он. — Если думаешь о Стёпке, не обращай на него внимания! — продолжает Мишка. — Не хотели тебе говорить, да пришлось — не будем же мы тебе врать.

— Да ничего страшного, я не обижаюсь. Если кого и надо винить, то себя! — поднимаю на него взгляд и снова опускаю к костру.

— Зачем винить себя? — искренне удивляется Мишка.

— Ну, я при жизни не верил ни в Бога, ни в чёрта. Ни в ад, ни в рай. Бабушкины книжки пытался сжечь. Маму в церкву не пускал. Она мне образок положила, а я хотел послать обратно. Может только из-за этого образка я здесь, а не в Безвременье. И матери спасибо сказать не могу. И когда ещё смогу?!

— Не всё так плохо, как ты думаешь! — шепчет Мишка, двигаясь ближе ко мне. и с опаской глядя на мостик, на спину Степана. — Если живые найдут нас и похоронят, как положено, то мы вернёмся домой, будем с остальными...будем по ту сторону!

— А туман? Вы же говорили, он не пропустит? — от волнения я случайно повышаю голос.

— Тише ты! — шипит он. — Я сам точно не знаю, но говорят, тебя могут провести через него твои живые.

— Как? — удивляюсь я.

— Не знаю. Говорят, мы можем посылать им какие-то знаки.

Я только усмехаюсь — знаки? Какие ещё знаки?! Наверное, Яша придумал всё это, чтобы меня успокоить или отвлечь от тяжёлых мыслей. Ничего не говорю — вдруг он обидится.

С мостика возвращается Степан. — Ну что, никого не видать? — беззаботно спрашивает Миша

— Не видать! — чешет затылок Степан. — Может чего случилось и лодка задерживается? Подождём ещё, может приплывёт...

— Солнце уже встаёт! — возражает Яша. — Никого нет! Отдохнуть охота!

— А если приплывёт? Старший по головке не погладит, сам знаешь!

— Нехай сам тут сидит! Солнце встало, смена закончилась, отдохнуть охота! 300 человек за ночь встретили и проводили в Расположение!

— 300 человек? — удивляюсь я и перевожу взгляд на Мишку. — Это за один день?

— За одну ночь! — хмыкает Мишка. — А что ты удивляешься? Это только с нашей части Межвременья. Фронт большой. Фрицы прут и прут, чёрта им в душу! — вздыхает Мишка. — Наши отступают, погибают в окружении и в боях. Далеко не всех успевают похоронить по-человечески.

— 300 человек...И где они все помещаются? — удивляюсь я.

— В Расположении! — мечтательно улыбается Яша. — Это наш дом. Расположение такое большое, что всё не обойдёшь. 300 человек — только с нашей части. Эх, сейчас я бы уже покемарил..

— Надо подождать ещё! — возражает Стёпа.

— А Василий что? Одного отправим в Расположение? Я тебя тут одного не оставлю!

Степан молча переводит взгляд с Миши на меня, потом обратно. Задумчиво трёт подбородок, глядя на реку и тяжело вздыхает.

— Ладно! Поехали! — буркает он. — Василию действительно надо отдохнуть. Да и нам с тобой тоже!

Миша вскакивает со своего места, выводит откуда-то из-за деревьев трёх лошадей. Мы тушим костёр, садимся на лошадей и отправляемся в путь. Надеюсь, Расположение будет последней точкой в моём путешествии.

Глава 4.1

Мы идём гуськом, держа коней под уздцы. Впереди Степан, за ним я, замыкающий Мишка. Подъём кажется бесконечным, даже говорить не хочется. У Степана конь крупный, коричневый в белую крапинку, с широким шрамом на лбу. Видно, много повидал боёв. У Мишки конь гнедой, беспокойный. Постоянно норовит укусить соседей. У меня конь белый, с белой гривой. Степанный и спокойный.

По краям дороги зелёное поле, всё в цветах и одуванчиках. На травинках роса, которую с удовольствием пьют кони. Фыркают и хлопают ушами. После долгой ночи они, наконец, получили свободу. Хорошо как здесь! Привольно! И никаких следов войны. Дышать и не надышаться этим воздухом. Слабый ветерок колышет рубаху и волосы.

Конь подо мной нетерпеливо ёрзает. Я чуть отпускаю узды и прищипываю его. Мы буквально летим над землёй галопом. Всё быстрее, быстрее и быстрее. Я прикрываю глаза и снова вспоминаю прошлое. Чудится, будто вокруг снова взрывы снарядов и крики комдива: "В атаку, братцы! В атаку!". Мне кажется, мы снова идём в штыковую. Вот уж и ружьё наготове.

— Э-ге-геей! — кричу я и наклоняюсь ближе к седлу.

— Э-ге-геей! — отвечают мне Стёпа и Миша.

Открываю глаза, чтобы посмотреть, где они и понимаю, что они сильно отстают. Натягиваю узды и притормаживаю коня. Меня догоняет Мишка.

— Ты куда так рванул? — спрашивает, переводя дыхание.

— Сам не знаю! — жму плечами. — Так хорошо стало, не представляешь!

— А мы думали, ты от нас удрать захотел! — говорит Стёпа, подъезжая с другой стороны.

— Куда? — спрашиваю я.

— А кто ж тебя знает! — жмёт плечами он. — Но после такого забега надо дать коням отдохнуть. Они хоть и как мы, но отдыхать должны.

Конь в очередной раз останавливается, чтобы зашипнуть травки. Я, поддаваясь внезапному порыву, соскакиваю со своего коня. Ноги босые, поэтому я чувствую ступнями каждую травинку, холодную из-за росы. Мишка со Стёпой тоже пошли пешком.

Солнце показалось полностью и ветерок исчез. Стало жарко. Душно. Кажется, что по лицу течёт пот. Подношу ладонь ко лбу, чтобы вытереть его. Там ничего нет. Правильно, откуда у мёртвого пот? Я смотрю в это голубое небо, чувствую землю под собой и не могу поверить, что я не живой. Как это не живой, когда всё ощущаешь, как прежде!

— Припозднились мы, ох припозднились! — говорит Мишка. — Сейчас бы уже десятый сон видели!

— Десятый сон? — спрашиваю. — Солнце же встаёт?

— В Межвременье почти всё, как на земле, но спим мы днём, а вечером просыпаемся!

— Почему?

— Ночью боле чем днём надо охранять своё место! — говорит Стёпа. — Нести службу. Ночью люди переходят в Межвременье. Ночью боле хитрят лукавые. Сам всё поймёшь, когда увидишь!

— Даааа! — отвечает Миша, зевая. — Поэтому и говорю, поздно мы. Всё равно никто не приплыл.

— Будя ворчать! — фыркает Степан. — Вон уже и Расположение виднеется!

И правда поле заканчивается. Впереди виднеется поселение. Первым в глаза бросается золотистый купол высокой белокаменной церкви. Деревянные домики. Из труб поднимается дым.

Когда подъезжаем ближе, вижу невысокий, но длинный забор. Ему не видно края. Кажется, что он обоими своими концами упирается в поле. Он настолько низкий, что видно, как по ту сторону ходит туда-сюда часовой.

Глава 4.2

Привет читателям! Решила выкладывать продолжение по маленьким посильным кусочкам, чтоб вы долго не ждали и видели изменения. Потом части будут соединяться и редактироваться. Всех благ!

— Стой, кто идёт?! — спрашивает часовой, когда мы подъезжаем к воротам.

— Ковальковы Степан и Михаил! — невозмутимо отвечает Стёпа. — Прибыли с ночного дежурства!

— Вы поздно! — отвечает часовой, отпирая ворота. — Все уж отдыхать разошлись, даже товарищ Старший!

— Стёпа думал, что ещё кто-то приплывёт! — усмехается Мишка. — Ждали до последнего. Стёпа бы остался ещё, если б не новоприбывший.

— Вот и ладненько! — улыбается мне часовой. — Добро пожаловать в расположение! Я Афоня. А это Катерина — наша медсестра! — показывает куда-то за своё плечо.

Только сейчас замечаю, что рядом с часовым стоит девушка в больничном халате. Она еле достаёт до его плеча. У неё длинная коса пшеничного цвета, большие голубые глаза и небольшая ямочка на щеке. На вид — не больше 19 лет.

— Ну, товарищ новоприбывший, подойдите ближе ко мне! — говорит Катерина. — Не стесняйтесь!

Несмотря на хрупкую и миловидную внешность, голосок у неё громкий и звонкий, даже командный. Неужели и вот такие вот девочки сюда попадают? Неужели и таких вот девчонок убивают ни за что и не про что. Этой девчонке жить бы ещё и жить!

Я стою столбом, Мишка подталкивает меня вперёд. Медсестричка хмыкает, достаёт из кармана что-то типа фонарика и светит им прямо мне в глаза. На удивление, они совсем не слезятся и не болят.

— Товарищ Агафонов, Василий Семёнович. Из новоприбывших! — представляет меня Михаил. — 27 лет. Видимых повреждений и странного поведения не наблюдалось! — важно говорит он. — А, только со Степаном чуть не подрались, но это ничего. Лукавые его иллюзией пытались приманить.

— Хорошо! — отвечает медсестра.

Убирает фонарик в карман, кивает мне и оборачивается к часовым.

— Норма! Новоприбывший может жить со всеми! Товарищ Агафонов, вы свободны.

— Василий, ваш дом 424. Улица 16! — обращается ко мне часовой. — Мих, проводишь новенького?

— Конечно! — улыбается Мишка. — Ты, Катерина, тоже отдыхать? — робко спрашивает Мишка и немного краснеет.

"Неужели влюблён?" — думаю, глядя на то, какими глазами он на неё смотрит.

— Если б отдыхать! У нас с Витальевной ещё обход! — чуть вздыхает Катя. — Ну ладно! Пока, мальчики! До встречи!

Мы с Мишкой тоже уходим, только в другую сторону. На улицах никого нет.

— Ну как тебе Расположение? — спрашивает Мишка.

— Не знаю! — жму плечами я. — Если честно, представлял всё по-другому! ДОТы, ДЗОТы, хотя бы пушки и смотровые вышки.

— Зачем нам это всё? — удивляется Мишка.

— Как же зачем. Разве этот маленький заборчик защищает от Лукавых?

— Напрасно беспокоишься! — усмехается Мишка. — Лукавые через него даже лапу просунуть не могут — их сразу как кипятком обжигает.

— Да ну! — отвечаю я. — Они...и чтобы чего-то испугались?!

— Сам увидишь! — улыбается Мишка. — Главное, если встретишь, то не разговаривай. И если будут молоть чушь про твоих живых — не связывайся. Заболтают так, что выманят за забор. А там и сам знаешь...

— Какое ж это тогда безопасное место? — усмехаюсь я.

— Всё зависит от человека! — поднимает палец вверх Мишка. — Сам о безопасности не подумаешь, никто тебя не спасёт. И не должен спасать...